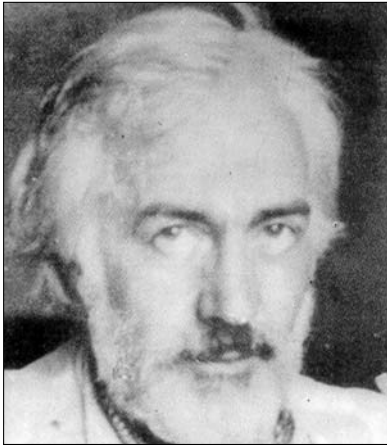

"Плыть туда, где любовь!"

Николай Степанов

Почти тридцать лет назад во дворе Одесского художественного училища набирали в глине рабочую модель памятника Татарбунарскому восстанию. Лето подходило к концу, установилась великолепная погода, ушла жара, и настали бархатные денечки, которые бывают только в Одессе до начала сезона осенних дождей. Поэтому работа спорилась, приятно было смотреть. Трудились над памятником автор Николай Конищев, помогали Алик Чернозубенко и Женя Чумак. Привело меня туда обычное любопытство и приглашение автора. Интересно посмотреть, как делается большая — одиннадцатиметровая — скульптура. Жили мы тогда с Конищевым в доме на углу двух Карлов.

К полудню во дворе появился еще один скульптор, который был приветливо встречен бригадой и представлен мне, — Николай Степанов. По всей вероятности, этот день можно считать точкой отсчета нашего знакомства с великолепным мастером и другом, Николаем Ивановичем Степановым, а для меня долгие годы — просто Ключкой. Он был среднего роста, сухопар, открытое славянское лицо, светло-серые глаза, копна уже седых волос и поразительно добродушная улыбка, которая никого не оставляла равнодушным и располагала к общению.

Николай протянул мне руку, и я обратил внимание на примитивную татуировку образца сороковых годов. Он смутился и спрятал руку за спину. Я подумал: как не вяжется эта небольшая детская шалость с этим на редкость интеллигентным человеком. Вот если бы люди после каждой большой пошлости оставляли подобные следы, можно было бы безошибочно определять, кто есть кто.

Подобные мысли донимали мое сознание до тех пор, пока я не разобрался, что это не просто примитивный рисунок на руке, а символ, кото-

рым я закончу свой рассказ. А пока продолжим путь по ходу моих рассуждений, ибо поймать биологический ритм этого художника невозможно, он и сам не знал порой, чем будет заниматься через несколько минут. Я постараюсь раскрыть некоторые не знакомые моему читателю и людям, хорошо знавшим Степанова, пикантные эпизоды из жизни этого добрейшего человека, большого художника, к творчеству которого не раз будут обращаться специалисты и любители изобразительного искусства.

В начале восьмидесятых моя семейная жизнь дала трещину, и я временно поселился в мастерской Конищева, у Пересыпского моста, а по соседству Николай Степанов приобрел мастерскую умершего скульптора Раппа. Мы волею судьбы стали соседями. Моя бабушка когда-то говаривала — грубовато, но образно и точно: "Повстрічалася попа с вихтьом". Я заранее прошу извинения у читателя за использование сленга и украинского диалекта. Некоторые коллеги по перу высказывают мне по этому поводу свое "фе". Я использую сленги, они — меня: где же безнравственность?.. Вихоть — это небольшой веник, изготовленный из соломы или травы, который применялся на Украине еще в древности для выравнивания глиняного пола в доме, мог служить вместо туалетной бумаги, — или родители пускали его в ход как орудие экзекуции, снимая штаны и отхлестывая им мускулос глутеус в порядке воспитательной работы с детьми дошкольного возраста. Действовало "орудие пыток" не очень больно, но устрашающе, если было изготовлено из крапивы.

Я не случайно привел эту поговорку, потому что к тому времени мы оба переступили сорокалетний возраст, но, в сущности, оставались детьми, способными на небольшие шалости. Нам хотелось жить, не доставляя никаких неудобств окружающим. На столе иногда появлялась бутылочка водочки, а собеседниками становились очаровательные бестии прекрасного пола, которых Степанов рассматривал как потенциальных натурщиц, а я — с точки зрения сильного пола и непомерного любопытства. Да, время меняет нас, сегодня я осуждаю это как грехопадение. "Если ты смотришь на женщину с вожделением — значит, ты уже прелюбодействовал с ней в сердце своем". А мы не только смотрели. Каюсь, но этот грех совершен не против человечества, а для продолжения его.

Жил со мной в ту пору в мастерской известный среди художников попугай Аркаша. Я мог позволить себе поменять жену, но не моего верного попугая. Однажды на восхищение симпатичной молоденькой дамы — звали ее Ирина — показал свою невоспитанность: на "Какая красивая птица!" последовал ответ — "Хороша сука", чем поставил в затруднительное поло-

жение хозяина, который при хорошенькой леди хотел выглядеть интеллигентно. Попугай был породы жако, привезен мною контрабандно из Сенегала. Даже мой давний приятель, скульптор Борис Румянцев по забывчивости, не в первый раз представляя меня госпоже Егоровой, говорит: "Познакомьтесь — это Аркашин папа, Женя Николаенко". Я горжусь, что у меня такой знаменитый попугай. Хотя, несколько обидно — сам по себе я ничего не представляю. Зато Аркаша до сих пор так протяжно и нежно зовет своего кумира: "Ко-ля, Ко-ля". А ведь еще недавно залазил ему в уши, нежно кряхтел, лез целоваться. Ему в мастерской разрешалось делать все: распускать на нитки еще хороший свитер, ломать гипсовые скульптуры, и даже там, где впору было ставить табличку "руками не трогать", орудовал мощный клюв попугая, вызывая умиленную улыбку хозяина.

Сейчас даже коты вокруг мастерской осиротели без Степанова. Он не мог появиться на работе без баночки еды, специально приготовленной для них. Железные ящики перевернуты, некогда в них селились бомжи. Степанов выносил им старые одеяла, давал хлеб и чай, за это не однажды был отчитан люмпен-пролетарием русским ядреным матом — не со зла, а так, по пьяни. Необходимо помнить: "Ни одно доброе дело, сделанное на этой земле, не обходится безнаказанно".

Иногда мы с Николаем уезжали в его родные Роксоляны. Деревенский дом Степанова утопал в зелени больших деревьев черешни. Созревшие, сочные, темно-вишневые плоды просились: "Сорвите нас", угощая своими сладкими, как мед, ягодами прилетевших птиц, местную ребятню и взобравшихся на мощные ветки молодых людей. Хватало всем, а на продажу рвать их было не принято.

Нас встречала мать Степанова, Александра Дмитриевна, или просто баба Шура, дородная пышная женщина с большим бюстом. По словам самого художника, оторвать его от маминой груди нельзя было почти до пяти лет. По всей вероятности, о таких женщинах рассказывал Лев Николаевич Толстой: "Если бы наше высокоблагородие не скрешивалось время от времени с такими бабами, мы бы вымерли, как динозавры". По-моему, он был прав, такие женщины составляют соль земли нашей и производят на свет не только себе подобных, а иногда уникалов и гениев. Эти женщины поднимали после войны страну, заменяли порой трактор и лошадь, учили добродетели детей. Да и вообще, на них держится жизнь.

Под тенью черешен расставлен стол, Александра Дмитриевна угощает нас простой деревенской пищей, мы сдабриваем ее стаканчиком-другим терпкого душистого домашнего вина. Ведем беседу. Мать обращается к сыну:

— Коля, ну що це в тебе за спеціальність — скульптор? Ось подивись, як живе Вітька Червоний, робе трактористом, хату в центрі села поставив, хазяйство добре має, в почоті у начальства. Одружився на Олічці Саєнко.

— Мама, это же какая Оля?

— Така повна, красива, жила на краю села.

Ну что же, у матери свои понятия о красоте и работе. Чтобы не расстраивать мать, Николай соглашается:

— Хорошо, мама, я подумаю, как поменять специальность.

— Та для чого же тобі шось міняти, ти ж робив трактористом, може, забув, так подучишся.

Я иронизирую: "Необходимо только срочно разыскать тот трактор, как Хрущева шахтерскую каску". Баба Шура понимает иронию и машет рукой. Чтобы улизнуть от материнских сентенций, мы уходим в дом, Степанов показывает мне сельские апартаменты. На стене висит добротный портрет пожилого человека: с козачьими прокуреными усами, в простой одежде, в фуражке-восьмиклинке, со взглядом роксоляновского мудреца, местного Сократа. Характерно, что портрет выполнен грамотно — на холсте, писан маслом. Впечатляет.

— Мой дед, — не без гордости говорит Коля, — Николай Анисимович Руденко, роксоляновский библиотекарь. Мудрый был мужик, с достоинством. Однажды вел речи, и кто-то из партийных функционеров заподозрил его в национальном уклоне:

— Дед, да ведь ты чистый националист!

Николай Анисимович задумался, покрутил ус и ответил:

— Да, але ж який? Соціалістичний за змістом.

Выкрутился дед.

Работа была написана Колиным учителем рисования Василем Черным более полувека назад. По всей вероятности, он привил ему любовь к изобразительному искусству. Мы проходим в помещение, напоминающее музей. Его стены обвешаны ранними работами Степанова и его друзей, неоконченными деревянными скульптурами, здесь же — средневековое пушечное ядро, высохшие пустые тыквы, инструменты; созревает и хранится вино. Дегустируем еще по стаканчику, и уже с трудом определяю на рисунке, какого цвета море. Все представляется в розовом цвете, и хочется расцеловать весь мир. Чтобы убраться лишнюю эйфорию, идем прогуляться к берегу лимана. Минуем курган, разграбленный еще в Средние века, примитивный кирпичный завод, и оказываемся на месте древней Никонии. Степанов здесь же находит несколько черепков и бронзовый наконечник для

стрелы. Говорит, что люди иногда находят здесь золотые монеты. В чем я очень сомневаюсь. Он показывает мне клочок земли в несколько гектаров, который некогда принадлежал семейству Степановых. Снова поднимаемся в село, и я с удивлением рассматриваю название улицы Степанова.

— Твой однофамилец?

— Нет, мой отец, Иван Степанов. Который прошел в полковой разведке всю войну, награжден был двумя орденами Славы, Красного Знамени, другими наградами. После войны работал здесь в колхозе.

Выходные дни заканчиваются, пора собираться в Одессу. Баба Шура замечено нервничает, складывает в сумку яички, творог, вино, какую-то снедь. Задает сыну риторический вопрос:

— Коля, коли ще приїдеш?

— Не знаю, мама, когда позволит время.

На прощание Николай обнимает мать, машина трогается, в зеркало заднего вида еще долго вижу одинокую, уже сгорбленную фигуру пожилой женщины, которая только теперь смахивает платком накотившую слезу. У меня подкатывает горький комок к горлу, ведь моя мама умерла, когда я был еще мальчиком. Вот так, хоть и невольно, заставляем страдать материнское сердце.

Мы выезжаем за село, Николай просит остановить машину и долго вглядывается в развилку трех дорог. Кто хорошо знает творчество Степанова, может вспомнить романтическую деревянную скульптуру "Три дороги". Философская вещь: как важно найти единственную, свою дорогу и не ошибиться. По-моему, с этих трех дорог начинался профессиональный художник — Николо Степанов из Роксолян, как знаменитый его тезка Донателло Николо из Флоренции.

Дороги не всегда ведут в Рим. Первая дорога моего героя от родительского дома пролегла через Донбасс.

Работу скульптора можно сравнить с работой шахтера — по физическим нагрузкам, не говоря об умственных и психологических. Это постоянный поиск, тяжелейший физический труд, но не рабский, а изыскателя, который приносит особое наслаждение, когда работа состоялась. Мне приходилось видеть Степанова в такие минуты. Его глаза светились, он расправлялся и казался выше и мощнее.

Степанов никогда не оставлял без внимания своих друзей. Помнится, мне однажды было очень плохо. Потерял работу, заболел, впал в глубокую депрессию. Со мной творилось что-то страшное, не мог сообразить,

что делать, как жить дальше. Я одиноко сидел в своей квартире, покинутый и забытый всеми. Но вот появился Коля с большим свертком в руке — там был этюдник, краски, кисти.

— Зачем ты принес это все? — спросил я.

— Будешь рисовать.

— Ты что, Коля, шутишь?

— Нисколько.

Он немного пообщался со мной и ушел восвояси, понимая, что ситуацию к лучшему могу переломить только я сам. Оставшись в одиночестве, я долго рассматривал принесенный скарб и решил: а почему бы и не попробовать? Я разрисовал свой туалет, ванную, потом перешел на принесенный картон. "Шедевром" этих упражнений стал мой попугай на шахматной доске. Когда вновь появился Николай, портрет Аркаши был почти готов, но ему чего-то не хватало. Степанов немного постоял, прищурившись, и сказал:

— А ну-ка, ударь здесь светлое пятнышко.

Картина сразу преобразилась, стала живой. И я пришел к выводу: без этой Божьей искорки никакое творчество не достигает цели. Если я в своей работе не нахожу краткого, но емкого понятия, я откладываю ее на неопределенный срок. Спустя много лет Степанов уговорил меня выставить эту работу на вернисаже художников-анималистов, где она заняла вполне достойное место. Но самое главное, через месяц увлечения прошла моя хандра, я отыскал себе работу — лучше, чем прежде. Аркашин портрет, писанный маслом, висит у меня в доме, на самом видном месте, напоминающая мне о том, что в этом мире очень много сложностей, нужно быть сильным и не раскисать даже при самых больших неудачах. По-есенински:

При тяжелых утратах

И когда тебе грустно,

Казаться улыбчивым и простым —

Самое высшее в мире искусство.

Вот такую арт-терапию придумал мне Степанов, и я ему благодарен. Степанов был не противоречивой, однако, очень сложной натурой. Я не в первый раз берусь за описание, считая, что из пишущих людей больше всех его знал, и очень часто попадаю в тупик. Хотя прекрасно понимаю: легко писать только о дураке, ведь он круглый...

Очень трудно в работах Степанова найти пик его побед, выделить как достижение, или отметить этап его творческой деятельности, и причина здесь одна: Степанов — художник от рождения и Бога. При сравнительно

скромном образовании, Николай был человеком высокой эрудиции. Я заметил одну закономерность: стоило Степанову быстро воплотить, как он умел, какую-то задумку в этюд или модель, как через некоторое время такая работа появлялась у некоторых коллег по цеху, но уже накрытая от чужих глаз холстом. Степанов был кладом скульптурных идей, которыми щедро делился с друзьями и недругами, а если и закрывал свои работы пленкой и мокрой тряпкой — только глиняные, для того, чтобы они не пересыхали. Он так лихо работал топором, что работы, выполненные в дереве, повторить было никому не под силу. Я знаю двух больших скульпторов, которые владели в совершенстве этим материалом: Коненков и Мухина. Да вот еще Степанов. Сложность состоит в том, что необходимо чувствовать этот живой материал.

Да что там дерево, — надо сказать, Николай мог заниматься профессионально графикой, живописью, керамикой, офортом. Белых пятен в изобразительном искусстве для Степанова не было. Недаром его не однажды просили продать ранний живописный портрет жены. К счастью, он так и остался в семье Степановых. По оценкам специалистов, портрет выполнен на высшем художественном уровне. К сожалению, ни одной персональной выставки живописи Николай так и не сделал, и его многочисленные работы расплылись по частным коллекциям.

В общении со всеми людьми Коля настолько был прост и по-детски непосредствен, что даже не понимал, зачем надо прятать деньги, когда ты появляешься в дешевых питейных заведениях. За что не однажды был бит, и в основном — по голове. Да, его седой головушке доставалось очень часто не только от злодеев, но и от необдуманных поступков.

Он устанавливал скульптуру Овидия и решил в перерыве искупнуться в лимане. В детстве он прыгал с этого причала, решил повторить гениальный прыжок, не делая поправку в полстолетия, — зарылся головой в песок и камни. Я увидел его на следующий день с ужасным каркасом на шее. Слава Тебе, Господи, обошлось без компрессионных переломов. И когда мы пытались провести очередной мальчишник, его Елена стала в позу и сказала: "Только в сопровождении санитарки". Я спросил растерянно: "Где же ее взять?" — "А я вам что, не подхожу?". Надо отдать должное Леночке, она никогда не мешала ни одной мужской компании, и после небольшого возлияния звучал задушевный дуэт супругов:

Їхав козак містом, містом,
Під копитом камінь тріснув,
Соловейко в гаю свиснув...

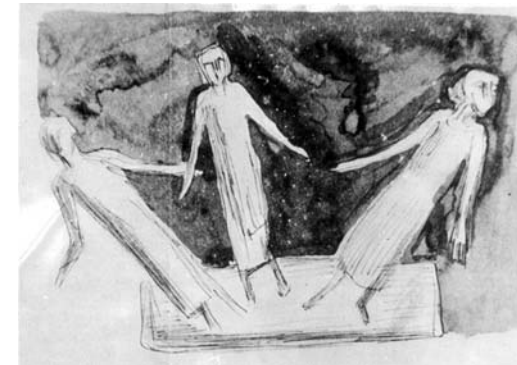
Выводил мягкий голос Елены и, с легкой хрипотцой, баритон Николая. Особенно приятно и романтично звучало это пение много лет назад на кручах Днепра, у костра. Мы были в походе где-то в районе Хортицы. Вызывая ностальгию, бурную фантазию по давно прошедшим годам разудалого казачества времен атамана Сирка. Создавалось впечатление, что вот-вот — и на лунной дорожке ночной реки появятся "чайки" с лихими парнями, уходящими к турецким берегам.

Вернувшись из похода, Степанов сделал целую серию скульптур на эту тему: Казак с копьем (крашеное дерево), Гетман (бронза), Казак с флажками (дерево). Все эти работы насыщены особым украинским колоритом, проникнуты большой любовью к своим предкам.

Многие друзья и коллеги уверены, что Степанов — художник Всенародный. Он блестяще отражал ту среду, в которой находился. Очень жаль, что нет такого звания официально. В начале своего повествования я обещал рассказать о татуировке, — вернее, закончить этим символом. Она называлась: "Плыть туда, где любовь". Изображала парусник и восходящее солнце.

Не всегда он достигал желанного порта назначения, нарываясь на рифы человеческой косности, равнодушия, а порой и откровенной злобы. Я уверен в одном: его утлое суденышко было постоянно перегружено большой любовью к людям. К сожалению, за любовь нужно очень дорого платить, тем более в наш жестокий и прагматичный век.

Я до конца использовал отведенное мне место, за что благодарен альманаху, но это не конец моей повести, а только ее начало, поэтому я не ставлю точку, а только многоточие...

Три дороги